

Мгновения жизни

Ссутулившись, я шел по сырым и темным, из-за вечно хмурого неба, улицам. Как же все достало! С самого утра у меня давит сердце, не знаю, что за новая напасть, а вдобавок еще и ноги промочил.

Холодный противный осенний дождик зарядил на полдня. Зябко подняв воротник, я с удивлением смотрел, как какой-то мужик весело улыбаясь, шел под дождем. «Очередной городской сумасшедший,» - невольно подумалось мне, - «интересно, а когда я последний раз улыбался?». Я попытался вспомнить и не смог, да и не было повода для веселья... сплошная непрерывная черная полоса, беспросветный мрак... «А если б я сейчас умер, мне было бы жалко уходить из жизни?» - я ухмыльнулся собственным мыслям. До какого бреда не дойдешь после очередного никчемного дня на работе, стоянии в склочной очереди, чтоб заплатить за ЖКХ и после получаса ожидания на остановке под промозглым морозящим дождем.

И это не неудачный день, это просто день, просто еще один никчемный серый день. Сердце сдавило и закололо как-то уж особенно сильно, я даже приостановился.

На глаза попался яркий рекламный слоган: «В жизни нет ничего невозможного вместе с...», а дальше ерунда какая-то. Нет ничего невозможного, я хмыкнул, когда-то я тоже питал такие иллюзии. Нет ничего невозможного только для кучки избранных и их друзей... друзей... не бывает друзей, теперь то я это знаю точно!

Как же все достало! Вся жизнь - это бессмысленное копошение в навозной куче! Жахнул бы конец света, все равно хуже уже не будет. Я усмехнулся, но, как говорил один мой студенческий приятель: «Конец света – это слишком хорошо, чтобы быть правдой».

Мимо весело шлепая по лужам, пробежал какой-то мальчишка. В руках у него был зажат маленький пластмассовый самолетик. Размахивая рукой с самолетиком, он настолько увлекся, что чуть не задел меня, пришлось даже отступить в сторону. Я с неприязнью посмотрел на пацана. Всем своим видом он вызывал у меня раздражение и желание оказаться подальше от этого суетливого, глупого ребенка.

Возвращаясь к своим невеселым мыслям, я подумал, что вероятность умереть не такая уж и маленькая, если учесть, что мне сейчас спускаться в метро, в котором в любой момент может случится теракт.

Но с другой стороны, в моей серой жизни нет ничего, что заставило бы меня цепляться за жизнь. Было бы жалко мне уходить из жизни? Нет, не думаю.

Неожиданно резкая боль в сердце сдавила все внутренности, сердце, словно стальная раскалённая добела болванка, превратилось в источник непрерывной боли, растекающейся во все стороны. Дрожащей рукой я попытался расстегнуть верхние пуговицы рубашки, дышать было трудно. Ноги подогнулись, и я рухнул на колени прямо в огромную лужу.

Я хотел позвать кого-нибудь на помощь, но воздуха не хватало. Я беспомощно открывал рот, но вместо крика о помощи получился еле различимый шепот. Помутневшим взором я смотрел на прохожих, они старательно делали вид, что ничего не замечают и обходили меня стороной. Как же так... как же так... «А как бы поступил я?» - предательский вопрос закрался в угасающее сознание. Наверно, также старательно бы обходил стороной... Звуки стали глуше, сначала боковым зрением я перестал что-либо различать, весь мир стремительно съёживался в точку, тяжелый липкий мрак окончательно окутал сознание.

***

Удивительно, до чего же короткий день зимой! Только что я строил солнечную электростанцию в центре комнаты для космодрома, а вот уже стемнело, и зажглись фонари. С трудом дотянувшись до подоконника, я заворожённо смотрю за тем, как позёмка стелется по дороге в тусклом свете фонаря.

***

Резкая боль и ледяной холод выдернули меня из забытья. Судорожно вздохнув, я закашлялся от грязной и холодной воды, попавшей в рот. Оказывается, потеряв сознание, я упал лицом в лужу. Какая нелепая смерть – захлебнуться в луже! Эта мысль придала мне силы, и я смог перевернуться на спину. Сознание опять стало уплывать. На краю забытья я поймал презрительный взгляд пожилой тетки, похоже она что-то сказала про алкашей. Последних ее слов я не разобрал, сознание снова отключилось.

***

Я бегу по заснеженной улочке. Легкий морозец приятно пощипывает лицо. Снег сверкает на солнце, словно сплошь состоит из бриллиантов. Остановившись, я с наслаждением втянул морозный воздух. Позади окликает мама, что ж, я покрепче сжимаю в руке космический корабль. Ничего страшного, что это пустая упаковка из-под tic-tac, зато у нее есть две сверхсветовые маршевые дюзы, прикрепленные на скотч. Предстоит опасный разворот на сверхсветовой скорости, но это ерунда для опытейшего экипажа корабля. Хотя, конечно, полет до дома будет непростой, ни разу еще у нашего корабля полет не проходил спокойно.

***

Очередная порция боли заставила мое сознание вернуться в брренное тело, превратившееся в средоточие боли. На этот раз причиной боли оказалась миловидная женщина. Она сильно била меня по щекам.

Странно, я уже не валялся в луже, теперь я был прислонен спиной к дому. Руки и пальто женщины были вымазаны грязью. Судя по всему, именно она вытащила меня из лужи. Рядом с женщиной стоял маленький мальчик с самолетиком, он испуганно и с состраданием смотрел на меня.

Я не мог отвести взгляд от самолетика, неожиданно я вспомнил, что именно такой, как сейчас, морозящий осенний дождик и небо, затянутое свинцовыми тучами, была моя любимая погода, я всегда радовался ей. Интересно, почему? Не могу вспомнить...

– Что с вами? – взволнованно спросила женщина. Странно, подумал я, ее совсем не волнует, что она вся вывозилась из-за меня в грязи, похоже самочувствие незнакомого человека ее искренне волновало.

– Сердце... давит... – прошептал я непослушными губами. Лицо незнакомки мне показалось смутно знакомым, а быть может это разыгралось мое воображение, а может просто показалось, потому что сознание снова начало уплывать. Перед тем как потерять сознание я увидел, как незнакомка торопливо набирает какой-то номер в телефоне.

***

Я шел босиком по проселочной дороге напрямик через поле. Пьянящий аромат луговых трав кружил голову. Не думал, что идти по земле босиком будет так здорово! От нагретой за жаркий день земли шло приятное тепло, а небольшие палочки и камушки легонько покалывали ступни ног. Буду откровенен, сам по себе я бы никогда не пошел босиком, но я с Дашей, а с ней я почему-то делаю такое, от чего внутренний голос удивлённо спрашивает: «Это точно ты?».

Вот и сегодня мы с Дашей вышли прогуляться, и тут она неожиданно предложила дойти до озера, хоть это и недалеко, но пешком топтать километров пять... Я согласился, и вот, дойдя до полевой дороги, она сбросила балетки, взяла их в руки и с наслаждением прошлась по земле босиком, после чего легко перешла на бег. Она бежала легко и непринуждённо, отчего ее платье и длинные волосы развевались на ветру. Я невольно застыл, наблюдая, как прекрасны ее волосы в лучах вечернего солнца. Наконец, она остановилась и обернулась.

– Ну чего ты там стоишь?! Снимай обувь и идем скорее, босиком так здорово!

Разве я мог не последовать ее словам? Так что теперь я иду босиком по полю и наслаждаюсь чудесным вечером. В голове творилось что-то странное. То мысли текли неспешно, словно я Будда, достигший просветления, то пускались в галоп, то вообще куда-то пропадали, оставляя в голове вакуум.

Неспешно, за пустяковыми разговорами о летних каникулах, и о том, что нас ждет в 9 классе, мы не заметили как дошли до озера и очутились на небольшом песчаном пляже. Мы были одни.

– Может искупаться? – задумчиво произнесла Даша.

– Не могу, – покачал я головой, – я плавки не взял.

Даша насмешливо посмотрела на меня, затем, озорно подмигнув, пружинистой походкой взбежала на мосток. Легко разбежавшись, она грациозно нырнула щучкой... У меня так и открылся рот от удивления, она нырнула в одежду, ничего не снимая.

Нисколько не смущаясь, она проплыла мимо меня. Повернувшись в мою сторону, она удивленно воскликнула:

– Что ты делаешь?

А действительно что я делаю? Я не знал ответа на этот вопрос. Прямо в одежде я заходил в озеро, джинсы уже промокли до колен.

– Иду купаться, – деланно спокойным голосом ответил я.

– Так сними футболку и джинсы! – насмешливо выкрикнула Даша.

– Я плавки не взял, да и потом ты же в одежде плаваешь, – возразил я

Даша залиvisto рассмеялась. Это был вовсе необидный смех, но я почувствовал себя полным болваном и вконец засмутился.

– Я не могу снять платье, чтоб пойти купаться. А вот ты можешь снять футболку и джинсы,

– отсмеявшись пояснила Даша.

– Я тоже не могу, – упрямо повторил я, не придумав что бы еще ответить.

– Ну ладно, – игриво подмигнула мне Даша, – тогда получай!

И она окатила меня брызгами, ударив рукой по воде. Не знаю, как долго мы плавали и брызгались в озере. Мне показалось, что прошло пару мгновений, но солнце уже почти скрылось за горизонтом, явно давая понять, что минуло не меньше часа.

Мы стояли по пояс в воде. Дашино промокшее насквозь платье обтягивало и подчеркивало ее стройную фигуру. От волнения мое сердце забилося неровными толчками и сдавило грудь. Словно во сне, медленно, плохо понимая что делаю, я подошел к Даше ближе, она тоже подошла ко мне. Теперь наши лица разделяло несколько сантиметров, я чувствовал ее горячее дыхание, тело перестало меня слушаться, я не мог пошевелиться.

Неожиданно грудную клетку сдавило и сразу отпустило, затем снова и снова, а издали, где-то на грани слышимости я различил вой сирен.

Даша, видимо поняла, что я не могу решиться, взяла дело в свои руки. Она плавно приблизилась, и наши губы слились в поцелуе...

***

Я чувствовал, как Дашины губы касались моих. Она зачем-то выдыхала в меня, предварительно зажав мне нос. С сожалением я понял, что Даша совсем не умеет целоваться.

Я слабо закашлялся и с трудом приоткрыл глаза. Меня встретило хмурое небо с низкими свинцовыми тучами, а судя по голым деревьям – сейчас осень. Но куда делся тот чудесный летний вечер и Даша... Вой сирен скорой помощи не давал сосредоточиться.

Я повернул голову и увидел ту самую незнакомку, которая вытащила меня из лужи, когда я первый раз потерял сознание. Сразу все встало на свои места. Я лежал на спине, около меня на коленях стояла моя спасительница. Судя по всему у меня остановилось сердце, и она реанимировала меня.

Незнакомка увидела, что я приоткрыл глаза и облегченно вздохнула.

– Лежите, не двигайтесь, – сказала мне моя спасительница и направилась к врачам, которые уже выходили из скорой помощи.

– Даша, ты ли это?! – удивленно всплеснул руками пожилой врач в очках и с седой бородой.

Догадка, словно ослепительная вспышка молнии, озарила мое сознание - это же Даша! Вот почему мне показалось знакомым ее лицо. Как же так! Мы не виделись и не общались со студенческой поры! Разве такое возможно?! Встретиться в другом городе, да еще при таких обстоятельствах. Даша... я же был влюблен в нее, мы когда-то глупо расстались, и я думал, что чувства прошли, но сейчас меня переполняет нежность к ней. Как же так! Это, наверно, потому, что она спасла мне жизнь...

– Он же весь в грязи, – скорчил кислую мину второй врач, – он нам весь салон испортит.

Это был молодой человек лет 25 с равнодушными глазами и ничего не выражающим лицом.

– Ну что ты такое говоришь, – возмущился пожилой врач, – иди за каталкой.

Молодой врач ничего не сказав, и не выказав никаких эмоций, молча направился к машине скорой помощи.

– Вы не сердитесь на него, – мягко сказал пожилой врач, – он часто бывает бестактным.

Врач еще что-то говорил, доставая из своего чемоданчика шприц и подготавливая укол. Я его не слушал, я, не отрываясь, смотрел на мою спасительницу, которая подошла и сейчас стояла неподалеку от врача. Под моим пристальным взглядом она смутилась, а я ничего не замечал вокруг, я даже не заметил, как врач мне сделал укол.

Неожиданно для самого себя я воскликнул:

– Даша, это же я, Иван! Мы вместе учились в школе и институте, мы встречались.

Не знаю о чем я думал в тот момент. Я плохо себя контролировал, был весь на эмоциях. Я еще что-то сбивчиво и жарко говорил, тем самым совсем испугав свою спасительницу. Пожилой врач поначалу удивленно переводил взгляд с меня на Дашу, затем начал хмуриться, а молодой врач, подошедший с каталкой, с интересом рассматривал меня и ехидно улыбался, глядя на Дашу.

– Вы меня с кем-то спутали, – дрогнувшим голосом сказала Даша, – извините, Николай Дмитриевич, нам с Егоркой надо идти.

– Да, да конечно, – закивал пожилой врач.

Даша взяла за руку мальчика с самолетиком, стоявшего рядом с ней. Мальчонка все это время глазел на меня, как на восьмое чудо света, а я и не замечал. Даша быстро удалялась, а мальчик, то и дело, оглядывался на меня.

Что было дальше, помню плохо. Мне что-то говорил пожилой врач, молодой сыпал какими-то колкостями и спорил с пожилым. Я их не слушал, я даже не помню как очутился в скорой.

Все эти события совсем выбили меня из равновесия. Я прибывал в полнейшем смятении. Сейчас во мне бушевал настоящий ураган всевозможных зачастую противоречивых чувств. Я уже и не помню, когда испытывал что-то похожее.

Воспоминания, внезапно нахлынувшие на меня, словно порыв свежего ветра, сдули толстый слой унылого быта, безразличия и апатии. Воспоминания разожгли яркий огонь светлых эмоций. Раньше я воспринимал жизнь намного острее, я находил красоту и очарование даже в такой, как сейчас, сырой, промозглой погоде.

Кажется, я на пороге понимания чего-то очень важного, еще чуть-чуть и я смогу постичь какую-то истину... Но мысли хаотично металась и не хотели выстраиваться в стройную логическую цепочку.

Даша... она не шла у меня из головы, почему же мы расстались? Не помню, ведь мы были так счастливы вместе! Я сам не заметил, как погрузился в воспоминания.

***

Уже стемнело, и теплая летняя ночь вступила в свои права. Огромный диск полной луны и россыпь бриллиантовых звезд холодным светом освещали крышу школы.

Сам не знаю почему, но сейчас звездное небо мне казалось необыкновенно чудесным и загадочным. Теплый летний ветерок, наполненный запахом цветов и свежескошенной травы, кружил голову. Возможно, виной столь романтического настроения была Даша. Мы стояли на краю школьной крыши, взявшись за руки, а снизу доносились веселые голоса наших друзей.

– Чудесный сегодня вечер, – задумчиво произнесла Даша.

– Рядом с тобой любой вечер превращается в чудесный, – улыбнулся я.

Даша чуть сильнее сжала мою руку, а затем посмотрела мне в глаза и серьезно спросила:

– Ты меня любишь?

Совершенно не ожидав такого вопроса, я стоял открыв рот, силясь выдавить из себя хоть какой-нибудь вразумительный ответ, но не мог придумать что сказать. Вроде бы и вертелось на языке «да», но если просто сказать «да», то будет это как-то сухо. Да и не так я хотел признаться в любви, да и вообще, а вдруг я не люблю, а просто это что-то другое. От волнения у меня, кажется, даже выступила испарина, я невольно порадовался, что темнота хоть частично скрывает эмоции на моем лице. Пауза затягивалась, нужно было срочно что-то отвечать.

– Ты мне очень нравишься, – севшим голосом выдавил я из себя.

Даша плавно вытщила свою руку из моей и отошла к ограждению. Глядя в даль, она тихо произнесла:

– Это не одно и то же.

Я стоял и чувствовал себя полным дураком. Вдруг снизу раздался чей-то возглас:

– Эй, наверху, сваливайте! Сторож идет!

Я оглянулся на соседний корпус, действительно, на первом этаже зажегся свет. Не сговариваясь, мы с Дашей побежали к пожарной лестнице, по которой и поднялись на крышу. Даша спускалась первой, я за ней. Надо спускаться быстро, но осторожно, старая лестница проржавела и вполне могла не выдержать нашего веса. Оказавшись на земле, я заметил какую-то фигуру на крыльце школы.

– Бежим! – шепнул я на ухо Даше.

Пробегая, я заметил, как беззаботно около спортзала Вася с Валеркой оттачивали движения драм степа под хриплый динамик старенькой моторолки.

– Бегите, глупцы! – крикнул я им, – сторож пробудился!

В два счета мы вчетвером добежали до забора, перемахнули его и остановились отдышаться около дерева. Тут я заметил, что к забору, не спеша, подходит Толик, лениво перелезает через него и с улыбкой направляется к нам.

– Вы чего ломанулись, – весело крикнул он нам издали, – тут ведь сторож старушка, а вы словно от наряда ОМОНа рванули.

Мы переглянулись и рассмеялись в голос. Я смеялся и никак не мог остановиться.

***

Сердце снова сдавило, заставив меня отвлечься от воспоминаний. Два врача сидели напротив меня и негромко спорили.

– Самая яркая часть жизни закончилась, – равнодушно говорил молодой, – теперь осталась работа, дом, потом семья. Беспросветная унылая бытавуха и однообразная серость.

– Нет, ты не прав! – горячо возразил пожилой, – как раз сейчас у тебя самый интересный период. В школе и университете ты был еще глупым и наивным, сейчас у тебя все впереди, радуйся жизни, а то потом пойдут разные болезни, не такой гибкий и ясный ум. Именно сейчас у тебя самый лучший период жизни.

Молодой скептически хмыкнул и уже было открыл рот для возражений, как я неожиданно для самого себя вклинился в разговор.

– Вы оба неправы. Не имеет значения сколько вам лет, какое у вас финансовое положение, есть ли проблемы со здоровьем, все это - второстепенно и никак не влияет на внутреннее ощущение счастья и гармонии. Важно только, как вы сами смотрите на мир. Важно как вы сами относитесь к жизни. Вы сами своим мироощущением формируете реальность. Мало того, что проклиная свою жизнь вы вгоняете себе в постоянное состояние стресса, которое приводит к болезням, так еще и окружающие люди видят, как вы относитесь к своей жизни. И раз уж вы считаете свою жизнь пустой, то почему посторонние люди, видя ваше отношение к себе, должны относиться к вашей жизни по-другому. Но стоит поменять угол зрения, взглянуть на мир по-другому, и вы увидите как он прекрасен!

Я задохнулся, перестало хватать воздуха, сердце нестерпимо сдавило и я схватился за грудь.

– Срочно подготовь укол нейрорептанальгезия, – крикнул пожилой врач молодому.

– Не нервничайте, – обратился пожилой врач ко мне

– Знаете, я совсем недавно думал что не буду цепляться за жизнь, что без сожаления приму смерть, – я криво усмехнулся, – это не так, я очень хочу жить, ведь жизнь бесконечно прекрасна...

– Не переживайте, – пожилой врач взял мою руку в свою и пронзительно посмотрел мне в глаза, – вы не умрете, слышите, мы этого не допустим.

– Конечно не допустим, – откликнулся молодой врач подходя со шприцом, – иначе нам придется заполнять тонны разных бумажек.

Я пропустил слова молодого мимо ушей. Действительно, что я так распереживался, я же в скорой помощи, все обойдется, все будет хорошо. Зрение стало расплываться и снова липкая темнота окутала сознание.

***

– Все, приехали, – объявил Толя и заглушил мотор семерки.

– Ну так чего же мы ждем! – нетерпеливо воскликнул Саша, – идемте скорее.

Толя иронично усмехнулся и, копируя интонацию Саши, нараспев протянул:

– А какой смысл?

– Смысл в том, что в моем списке врагов ты останешься на пятом месте, а не переместишься на четвертое, – раздраженно бросил Саша, выходя из машины.

- Они всегда так забавно себя ведут? – улыбаясь спросила меня Даша.
- Э... я вообще-то тут и все слышу! – возмутился Толя.
- Ну раз так, тогда тот же вопрос к тебе, – ничуть не смутившись, сказала Даша.
- Ну... – протянул Толя.

Мы с ним переглянулись и хором ответили: «Всегда!»

Весело хохоча, мы вышли из машины и наткнулись на тяжелый взгляд Саши.

- Вы уже выбрали место, где вас лучше закопать? – нагибаясь за валявшимся рядом кирпичом, спросил он.

Подняв кирпич, Саша размахнулся, делая вид, что бросает булыжник. Песок и земля посыпались на пиджак и голову незадачливого метателя кирпичей.

- Ну, ну, ну, – Толя, качая головой, подошел к Саше и отнял у него булыжник, – извадюкался весь, костюмчик запылел, плохой Саша! Фу!

- Теперь ты на третьем месте в моем списке, – прошипел Саша и, развернувшись, зашагал к заброшенному заводу.

Улыбаясь и посмеиваясь, мы двинулись следом. Сейчас мы находимся на краю города около легендарного завода. Некогда огромный комплекс теперь заброшен. Следы запустения были отчетливо видны: потрескавшаяся кирпичная кладка, полуразвалившиеся внутренние постройки, выбитые окна. Этот завод, словно памятник прошлой эпохи, серой скалой выделялся на фоне частных одноэтажных домов. Впрочем, за заводом начиналось поле. Это, действительно, был тихий и уютный уголок. Несмолкающий треск кузнечиков и щебетание птиц, словно бальзам на душу, разливался умиротворением и покоем.

Духота уходящего дня предвещала скорый дождь, и, действительно, вдалеке уже слышались первые раскаты грома.

- Ты не обращай внимание на Сашу, – небрежно бросил я, – он немного странный.
- Странный... – задумчиво повторила Даша, – почему ты так думаешь?
- Ну... – я смутился, – ты же сама все видела.
- Я видела, что он хочет, чтоб его уважали и относились к нему серьезно. Но он чувствует себя неуверенно и от этого совершает смешные, комичные поступки, отчего еще больше смущается и чувствует себя еще неувереннее. В качестве защиты он выбрал агрессию, которая, к слову, тоже комичная и никто не боится его угроз. Из чего я делаю вывод, что он на самом деле добрый, наверняка вам всем не раз помогал. А насчет того, что он странный, так это вообще такое понятие, что можно применить к любому, так или иначе. К примеру, в Афганистане существует традиция воспитывать некоторых девочек как мальчиков в том случае, если все дети в семье - девочки, так как по местным традициям это чуть ли не позор. У этого явления даже специальное название есть, не помню уже какое, и все это для нас странно, а для них совершенно нормально.
- Да ты прямо психолог! – восхитился я.
- Нет, просто внимательно наблюдаю и говорю что думаю, быть может я и ошибаюсь.

Я задумался и не заметил, как мы дошли до завода, Толик нашел удобный выступ в заборе и мы без труда проникли на территорию комплекса.

До чего же огромный оказался этот заброшенный завод! Строго говоря, он не был заброшен, он был законсервирован. Законсервирован настолько, что похоже «расконсервировать» его никто не собирается. Меня поражало, как можно было лишиться стольких людей работы, как можно было допустить простаивания и разрушения комплекса, который с таким трудом возводили. Я заглядывал в окна, и повсюду были опечатанные станки и аппаратура.

Мы с Дашей насчитали около 8 огромных, многоэтажных корпусов. Все они были соединены асфальтированными дорогами, кое-где встречались пешеходные дорожки и даже небольшая аллея. Асфальт был в жутком состоянии, весь в трещинах, из разломов

пробивалась трава. Одичавшие кусты вдоль дорожек возвышались высокой непреодолимой преградой.

– Печально, что наше правительство допускает развал таких предприятий, – грустно сказала Даша, видимо ее мучали те же мысли, что и меня, – раньше здесь изготавливали оборудование для подводных лодок, а теперь...

Очередной раскат грома, на этот раз сильнее прежних, заглушил последние слова Даши. Надвигалась буря. Уже почти все небо было затянуто свинцовыми тучами. Кроваво-красный закат не предвещал ничего хорошего. Резко стемнело. Буря быстро превращала солнечный вечер в непроглядную ночь.

Далекие силуэты домов расплывались в легкой дымке, поднимающейся от нагретого асфальта. Было невыносимо душно, но буквально через мгновение ветер усилился. Из приятного теплого ветерка он превратился в холодный колючий ветер. Вспышка молнии, блеснувшая где-то рядом, разрежала полумрак. Все звуки вечернего луга потонули в оглушительном раскате грома. Первые капли неуверенно и робко упали на нас. – Где Толя и Саша? – прокричала Даша, перекрикивая усиливающийся ветер.

И действительно где? Меня тоже волновал этот вопрос. Мы с Дашей настолько увлеклись созерцанием умирающего завода, что совсем позабыли про товарищей. Я в нерешительности пожал плечами и посмотрел по сторонам. Вокруг возвышались огромные бетонные здания, но ребят нигде не было. Все входы были закрыты и опечатаны, а все стекла на первых этажах оказались целыми или забитыми фанерой. Так или иначе, нам надо скорей искать укрытие от дождя, не то насквозь промокнем.

Неожиданно я заметил, что совсем рядом с нами двери одного цеха распахнуты настежь, и оттуда призывно машет рукой Толя.

– Вот они, – я указал на открытые двери.

– Тогда догоняй, – игриво толкнув меня в грудь, воскликнула Даша и побежала к спасительной крыше.

Я не стал ждать повторных приглашений и довольно быстро нагнал беглянку. Подхватив ее на руки, я побежал к открытой двери. Это было потрясюще! Я бежал под дождем с любимой девушкой на руках. Молнии освещали небо уже ежесекундно, темнело невероятно быстро, я уже с трудом различал силуэт открытой двери, хотя она была в десяти метрах. Совсем рядом сверкнула вспышка, но на этот раз это была не молния. Старый высохший клен не выдержал напора стихии и упал прямо на провода, посыпались искры.

Бежать было неудобно, ноги, то и дело, проваливались в огромные трещины в асфальте. С обеих сторон густо разросся кустарник и ветками цеплялся за одежду. Наконец-то мы добежали до входа в корпус. Двухстворчатая железная дверь была распахнута настежь. Ржавая и покосившаяся она протяжно скрипела на ветру. Толя и Саша куда-то подевались, видимо ушли вглубь цеха.

– Сударыня, я вас спас от лютой стихии, – отдуваясь, сказал я, становясь под железную крышу крыльца, – не положено ли мне вознаграждение?

– Положено, – просто ответила Даша и поцеловала меня.

Тысячи капель, ударяясь о железную крышу, сливались в шум, сравнимый с шумом водопада. Крыша была худая, и с нее сочилась вода. Струйки воды стекали по нашим лицам, намокшая одежда липла к телу, ветер сорвал с моей головы кепку и унес в черноту неожиданно наступившей ночи. Но мне было на это плевать, я не обращал внимания, что стою под мелкими струйками протекающей крыши. Для меня сейчас существовала, только Даша и дождь. Дождь... Никогда в жизни я не радовался так дождю! Он делал поцелуй особенным. Внутри стало так тепло и уютно, было такое душевное умиротворение, что каждое мгновение становилось незабываемым и приносило непередаваемое наслаждение. Было ощущение, словно это не я стою весь мокрый на холодном ветру под

протекающей крышей, а кто-то другой, а я просто смотрю на это из окна теплого дома, сидя на кресле перед камином, укутавшись в теплый плед.

Я не знаю, сколько прошло времени, может минута, а может и полчаса. Поцелуй закончился также неожиданно, как и начался, и мне понадобилась еще минута, чтобы прийти в себя. Даша не торопила меня, и мы так и стояли, обнявшись, под мелкими струйками протекающей крыши.

Неожиданно, земля задрожала, как от землетрясения, зрение поплыло и я перестал понимать, что происходит. Кто-то очень далеко произнес: «Разряд», - а может произнесли и недалеко, просто протяжный вой ветра, похожий на сирену, заглушал звуки.

– Еще разряд, – повторил тот же голос.

С трудом я открыл глаза, рядом со мной стояла Даша, Толя и Саша, но похоже, что они никак не реагировали на мой обморок, я валяюсь на грязном полу цеха, а им хоть бы хны. Сверкнула очередная молния.

– Разряд! – воскликнул Саша.

– Что?! – я застыл, – Что ты сказал?

– Разряд, говорю, у молнии знатный, – повторил Саша глядя куда-то поверх меня.

Я с трудом поднялся и гневно покосился на товарищей.

– Хоть бы руку дали, помогли бы подняться.

Все трое непонимающе уставились на меня. Я махнул рукой, решил, что позже разберусь с этими странностями. Мы прошли в глубь цеха. Потолок терялся где-то в темноте, он явно был выше пяти метров. Краска на стенах потрескалась и отваливалась целыми кусками. В воздухе висел отвратительный запах гнили. Неудивительно, кругом виднелись огромные лужи с застоявшейся водой. Плитки на полу не было видно под толстым слоем грязи. Вся левая стена состояла сплошь из одних окон, кое-где под потолком стекла отсутствовали, и ветер, жутко завывая, врвался в заброшенное помещение.

Везде, куда хватало взгляда, возвышались огромные станки. Зрелище прямо-таки завораживающее. Некоторые станки выглядели почти как новые, ржавчина их не тронула, а некоторые были похожи на груды металлолома.

– Здесь шикарно! – восторженно глядя по сторонам сказал Саша.

– Да, тут интересно, – задумчиво сказал я, – а что больше всего тебе тут нравится?

– Да все! Мертвый промышленный комплекс военного назначения создает неповторимую постапокалиптическую атмосферу. А самое главное тут нет людей. А еще тут рядом даже бункер имеется, вот выкупить бы его... – мечтательно протянул Саша.

– Зачем тебе бункер? – удивился я

– Как зачем?! – не меньше моего удивился Саша, – восстановить его, на случай...

Саша осекся и замолчал, я не смог удержаться от подначки.

– Все ждешь конца света?

Саша бросил на меня раздраженный взгляд и нехотя ответил.

– Знаешь, у каждого человека должна быть мечта, ну так моя мечта – это конец света, я знаю, что это невозможно, это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Я растерялся, такого ответа я не ожидал.

– А с чего ты взял, что ты выживешь? И даже если выживешь, тебя что совсем не волнуют жизни миллионов людей?

Саша снисходительно посмотрел на меня и небрежно бросил:

– Мне на них плевать.

Я в растерянности остановился и смотрел в спину удаляющегося Саши. Я не мог поверить собственным ушам. Если он говорит это серьезно, то я не знаю, насколько же надо быть озлобленным неудачником, чтобы всерьез так думать. Я бы никогда до такого

не опустил, ведь в мире столько прекрасного, нет ничего невозможного, надо только захотеть и приложить усилия.

Задумавшись, я не заметил, как дошел до лестничного пролета. Осмотревшись я заметил грузовой лифт, но надежд, что он работает, не было никаких, все здание было обесточено.

– Куда пойдем вверх или вниз? – спросила Даша, останавливаясь у лестничного пролета.

– Вниз конечно, – рассеянно сказал я, – в подвал должны были убрать самое интересное.

Мы спускались вниз по просторной и удобной лестнице, спускались на удивление долго. Вскоре темнота стала абсолютной, густой и тягучей, словно гудрон, рассмотреть хоть что-нибудь стало совсем невозможно. Вместе с темнотой пришла тишина. Это была необычная тишина, все звуки умолкли, как только мы стали спускаться в подземелья завода. Ни вой ветра, ни раскаты грома не проникали сюда. Тишина обволакивала все вокруг, казалось, темнота впитывала все звуки.

– Подожди, – отчего-то шепотом окликнула меня Даша, – я достану фонарик.

Ее слова тотчас потонули в звенящей тишине. «Странно, где же эхо?», – мелькнула у меня мысль. Только сейчас я понял, что не слышал своих шагов. Меня всего передернуло. Я топнул, в надежде услышать, как кроссовок ударит о бетон, но вместо громкого хлопка услышал лишь еле различимый звук.

– Сколько можно спускаться? Я так полагаю, мы уже метров на десять спустились под землю.

Дашин голос был приглушенный и тихий, словно он доносился издалека. «Наверно тоже шепотом говорит,» – подумал я. Разговаривать отчего-то не хотелось. Я открыл сумку и достал оттуда свой фонарик. Луч света вспорол темноту, выхватывая из ее царства бледную Дашу. Лицо ее не выражало никаких эмоций.

Мы продолжили спуск. Темнота словно боролась с лучами света, исходившими от фонарей. Мне казалось, что с каждой секундой дальность, освещаемого фонарем пространства, уменьшается. Уши стало закладывать, как будто я находился под водой. Где-то на границе восприятия я услышал странный непонятный шум.

Мы медленно брели вниз, вдруг чья-то рука легла мне на плечо.

– Не стоит дальше идти, успеешь еще там побывать, – властно произнес за моей спиной Толя.

Казалось, что его голос звучал за километр, и мне понадобилась минута, чтобы осознать смысл услышанных слов. Тем временем шум, который был на грани слышимости креп, и теперь звучал вполне отчетливо. У меня не было ни сил, ни желания противиться воле Толи, в голове был вакуум и я, развернувшись, пошел наверх, Даша последовала моему примеру.

Сквозь непонятный шум стали проступать непонятные голоса, пока неуловимые, просто шепот, но это точно были голоса. Я шагал на автомате, каждая секунда казалась вечностью. Я не знаю, как долго я шел, не помню, когда голоса стали затихать, память сохранилась лишь обрывками.

Трезвое мышление ко мне вернулось только около выхода на крышу. Я все никак не мог отойти от странного оцепенения, охватившего меня по пути в подвал. Я стоял один перед выходом на крышу. Я не заметил, когда Толя и Даша обогнали меня, но был уверен что они на крыше. На улице сейчас буря, интересно будет понаблюдать за ней с крыши. Сбравшись с духом, я покинул здание и вышел на свежий воздух.

Буря приобрела причудливую форму, мы словно стояли в центре гигантского смерча. Густая клубящаяся тьма со всполохами электрических разрядов тянулась от земли до неба, закручиваясь в гигантскую воронку. Лишь небольшой просвет в небе являлся единственным источником света.

Лучи заходящего солнца выхватывали лишь небольшой фрагмент крыши, как раз в том месте, где находились мы. А между тем свободного от бури пространства становилось все меньше, тьма с нестерпимым ревом приближалась.

– Надо срочно уходить! – прокричал я друзьям и бросился к выходу с крыши, но не успел я спуститься и на несколько пролетов, как снова услышал тот странный шепот. Я перегнулся через перила, но в крошечном мраке не было ничего видно. Немного подумав, я бросил вниз фонарик. Фонарик, кувыряясь, летел вниз, а свет от него лихорадочно метался по стенам, но вдруг в районе второго этажа свет от фонарика пропал, как будто его выключили или... его проглотила тьма. Я постоял еще с полминуты, надеясь услышать звук падения фонарика, но так ничего не услышал.

В панике я выбежал на крышу, мои друзья стояли на том же месте, где я их оставил. Подбежав к Даше, я схватил ее за руку, и, силясь перекричать вой бури, проорал:

– Что происходит? Надо убираться отсюда!

– Отсюда нельзя убежать, – спокойно сказал Толя, – но можно сделать выбор.

– Успокойся, – Даша взяла меня за плечи и посмотрела прямо в глаза, – сосчитай до десяти и возьми себя в руки, все будет хорошо.

Я закрыл глаза и мысленно сосчитал до десяти, это действительно помогло мне немного успокоиться. Открыв глаза я уже гораздо спокойней повторил свой вопрос:

– Что происходит?

– Ну вот, совсем другое дело, – улыбнулась Даша и добавила, – ничего не заметил?

Я остолбенел, шум бури, он пропал, стало тихо, но сужающаяся воронка тьмы никуда не делась.

– Ты умираешь, приятель, это твой персональный конец света, – вклинился в разговор Саша, – ты ведь сейчас в скорой помощи, а не на заброшенном заводе.

Я открыл рот и во все глаза уставился на Сашу, что он такое несет!?

– Саша прав, – утвердительно кивнул Толя, – сосредоточься и ты вспомнишь, что уже далеко не студент, и в последнее время превратил свою жизнь в кошмар, но хотя бы перед смертью ты вспомнил любовь и дружбу. Осознал, что каждый день прекрасен и иногда стоит совершать авантюрные поступки.

– Какой мне теперь толк от осознания всего этого, – я обессиленно сел на крышу, я действительно все вспомнил.

– Теперь у тебя есть шанс, – ласково сказала Даша, опускаясь рядом со мной и обнимая меня.

– Вернуться обратно? – с надеждой спросил я.

– Нет, обратно вернуться уже не получится, – печально ответил Толя.

– Последние годы, ты считал всех вокруг так или иначе виновными в твоих бедах. Уныние и озлобленность, словно воронка тьмы окутывала твою душу. Ты сам сделал свою жизнь невыносимой. Подумай над моими словами – сказала Даша.

– Нам пора, – сказал Саша.

– Куда вы? Что мне делать? – я в отчаянии схватил Дашу за руку.

– Ты во всем разберешься, – ласково ответила Даша и легко высвободилась из моей руки.

– Подумай над тем, что я тебе сказала, – повторила Даша и нежно поцеловала меня.

Я на миг зажмурился, а когда открыл глаза уже никого не было. Тьма вплотную подошла к зданию, на котором я сидел, а просвет в облаках почти полностью пропал.

Даша... я еще чувствовал на своих губах ее поцелуй. Мое сердце переполняла нежность и любовь к ней, как же так получилось что мы расстались... А Толик, мой лучший друг, сколько безбашенных поступков мы с ним совершили, сколько всего было, где же он сейчас. Как же здорово мы проводили время. Страх перед бурей ушел на второй план, сейчас я сожалел только о том, что так ни разу после универа не выбрался с Толиком на

рыбалку, не зашел в гости к Сашке, а с Дашей... Слезы невольно навернулись на глазах, какой же я дурак...

Ослепительный луч осветил крышу, вихрь тьмы стремительно отступал.

– Так вот, что имела ввиду Даша, – сквозь слезы улыбнулся я.

спустя 8 лет

Под мелким морозящим дождем стояла женщина и подросток около покосившейся надгробной плиты посреди пустынного кладбища. Могила была неухоженная и запущенная, по всей видимости, после погребения за ней никто не ухаживал.

– Мама, почему мы сюда пришли, чья это могила? – спросил подросток.

– Видишь ли, – неуверенно начала женщина, – давно, наверно лет 8 назад, мы с тобой встретили на улице человека, у которого был сердечный приступ, помнишь?

– Да, – чуть помедлив, ответил подросток.

– Он не пережил того дня и здесь его похоронили. В тот день он узнал меня, но я сказала ему, что он обознался... Я растерялась, и еще я на него... ну в общем...

Женщина заколебалась, но взяв себя в руки она тихо добавила:

– Это твой отец.